

ВЫПУСКНИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ТРУДОВЫЕ ПЛАНЫ

Д. М. Логинов, М. А. Янковская, И. А. Яковлев

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82, с. 1;
loginov-dm@ranepa.ru*

Аннотация. На основе данных анкетного опроса, реализованного ЦЭНО РАНХиГС в 2023 году, рассмотрены модели образовательного и трудового поведения студентов выпускных курсов российских вузов. Исследование проведено на основе специально разработанной методологии, позволяющей как осветить широкий спектр жизненных практик студенческой молодежи, так и выявить основания для их дифференциации. Выявлено, что уровень ресурсных возможностей родительских семей в значительной степени определяет направления реализуемых молодыми людьми поведенческих моделей. Показано, что высоким уровнем ответственности и усердия в процессе образовательной подготовки характеризуются немногим более половины выпускников; около трети молодых людей активно включены в практики дополнительного образования. На фоне достаточно высокой удовлетворённости результатами обучения наиболее остро воспринимается отсутствие полноты получения компетенций, применимых на рынке труда. В числе наиболее развитых навыков молодые люди называют собственную самостоятельность, умение находить и анализировать необходимую информацию, исполнительность, ответственность и трудолюбие. К моменту окончания обучения 60% выпускников уже приобрели опыт трудовой деятельности, и, если первичное трудоустройство в большинстве случаев происходило в отрыве от актуального профиля образовательной подготовки, то после окончания обучения во всех группах выпускников преобладает ориентация на трудоустройство, связанное с получаемой специальностью. Результаты исследования показывают, что наиболее важными аспектами будущей работы для получающих высшее образование выступают содержание трудовой деятельности, а также перспективы карьерного роста и дохода. Около 40% молодых людей видят возможность найти работу, удовлетворяющую большинству субъективно важных параметров. Отмечаются существенные расхождения между запросами выпускников в отношении приемлемого уровня начальной оплаты труда и размером трудового дохода, который видится молодым людям реалистичным. Полученные результаты расширяют понимание процессов, происходящих в сферах профессионального образования, а также трудоустройства молодежи, и могут быть интересны специалистам данных сфер. **Ключевые слова:** высшее образование, профессиональное образование, студенты, молодежь, образовательные практики, рынок труда

Благодарность: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Логинов Д. М., Янковская М. А., Яковлев И. А. Выпускники региональных вузов: образовательные практики и трудовые планы // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27, № 4. С. 116–129. DOI 10.15826/umpa.2023.04.037

GRADUATES OF REGIONAL UNIVERSITIES: EDUCATIONAL PRACTICES AND EMPLOYMENT PLANS

D. M. Loginov, M. A. Yankovskaya, I. A. Yakovlev

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82–1 Vernadskogo avenue, Moscow, 119606, Russian Federation;
loginov-dm@ranepa.ru*

Abstract. Based on survey data conducted by Economy and Continuing Education Center RANEPa in 2023, the models of educational and labor behavior of final-year students of Russian universities are considered. The study is carried out

on the basis of a specially developed methodology that allows both to illuminate a wide range of life practices of student youth and to identify the reasons for their differentiation. It has been revealed that the level of resource capabilities of parental families largely determines the directions of behavioral models implemented by young people. It is shown that slightly more than half of the graduates are characterized by a high level of responsibility and diligence in the process of educational preparation; about a third of young people are actively involved in additional education practices. Against the backdrop of fairly high satisfaction with the results of education, the lack of completeness in acquiring competencies applicable in the labor market is most acutely perceived. Among the most developed skills, young people perceive their own independence, the ability to find and analyze necessary information, performance, responsibility, and diligence. By the time of graduation, 60% of graduates have already gained work experience, and if initial employment in most cases occurred regardless of the actual profile of educational preparation, after completing their studies, all groups of graduates are oriented towards employment related to their specialty. The research results show that the most important aspects of future work for those receiving higher education are the content of work, as well as career growth prospects and income. About 40% of young people see the possibility of finding a job that satisfies most subjectively important parameters. Significant discrepancies are noted between the demands of graduates regarding an acceptable level of initial remuneration and the size of labor income that young people see as realistic. The obtained results expand the understanding of the processes taking place in the spheres of professional education and youth employment and may be of interest to specialists in these fields.

Keywords: higher education, vocational education, students, youth, educational practices, labor market

Acknowledgment: The article was prepared as part of the implementation of a research project under the state assignment of RANEP.

For citation: Loginov D. M., Yankovskaya M. A., Yakovlev I. A. Graduates of Regional Universities: Educational Practices and Employment Plans. *University Management: Practice and Analysis*, 2023, vol. 27, no. 4, pp. 116–129. doi 10.15826/umpa.2023.04.037 (In Russ.).

Введение

Продуктивность образовательных и трудовых практик студенчества, их соответствие условиям внешней среды и возможность способствовать будущему жизненному успеху представителей молодёжной когорты во многом определяют перспективы социальной динамики российского общества. Насколько масштабна и чем определяется дифференциация моделей образовательного поведения различных групп российского студенчества? Каковы практики выхода на рынок труда студентов и выпускников вузов и насколько эти практики связаны с особенностями образовательного поведения? Как молодыми людьми воспринимаются перспективы будущей карьеры?

На эти вопросы мы постарались ответить в ходе проведения социологического исследования, реализованного по специально разработанной методологии в 2023 году. Респондентами анкетного опроса выступили студенты выпускных курсов региональных вузов. Структура выборочной совокупности, объём которой составляет 1031 респондент, позволяет как выявить общие тренды исследуемой проблематики, так и проследить дифференциацию по различным группам выпускников.

Исследуемая проблематика, вследствие своей значимости, на протяжении многих десятилетий находится в фокусе рассмотрения в отечественной науке. Предметом проводимых разработок выступают как факторы, на основании которых молодёжь формирует образовательные, трудовые и, в целом, жизненные установки, так и рефлексия

опыта реализации поведенческих моделей с выявлением параметров их успешности и барьеров продуктивной реализации. Основу этих разработок во многом заложили работы В. Н. Шубкина [1; 2], посвящённые проблематике воспитания и профессиональной самореализации молодёжной когорты советского общества. Масштабные исследования Д. Л. Константиновского раскрывают широкий спектр образовательных практик российской молодёжи в динамике десятилетий и в период институциональной турбулентности 1990-х годов. В числе важных аспектов рассматриваются социально-экономические факторы дифференциации реализуемых образовательных траекторий и проблемы доступности наиболее перспективных из них [3; 4]. Существенное внимание уделяется изучению социального поведения молодёжи в сфере образования [5; 6]. Ресурсы, влияющие на домохозяйственные стратегии в отношении образования детей, нашли отражение в работах Е. М. Авраамовой [7], Д. Л. Константиновского [8], Я. М. Рощиной [9; 10] и других учёных. Значительный пласт исследований посвящён трудоустройству и поведению молодёжи на рынке труда [11–16]. Предметом рассмотрения выступают мотивы и практики трудовой деятельности молодых людей в период студенчества [17–19]. Важной проблемой воспринимается существующий на протяжении длительного времени дисбаланс между возможностями системы образования и запросами рынка труда, что актуализирует необходимость взаимной адаптации всех акторов данных систем [20; 21].

Методология исследования

В статье представлены результаты рассмотрения различных аспектов образовательных и трудовых практик выпускников российских вузов в актуальных социально-экономических условиях. Первым из фокусов исследования являются модели образовательного поведения: рассмотрены характеристики посещаемых учреждений общего и профессионального образования, представления о продуктивности вузовской подготовки, уровень включённости в систему дополнительного образования и самооценка достигнутого компетентностного потенциала. Следующим аналитическим сюжетом является рассмотрение опыта работы и представлений молодых людей о перспективах трудоустройства по окончании обучения с выявлением значимости различных аспектов перспективной трудовой позиции и ожиданий от стартового этапа карьеры. Третьим направлением анализа выступают представления выпускников вузов о качествах, необходимых для формирования успешной карьеры, и о собственных перспективах на горизонте ближайшего десятилетия.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты массового анкетного опроса, реализованного Центром экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС в апреле-мае 2023 года с использованием специально разработанного исследовательского инструментария. Целевой аудиторией исследования выступают студенты выпускных курсов высших учебных заведений. Релевантность результатов опроса обеспечивается его проведением в форме личного анкетирования.

В ходе проведения опроса реализована многоступенчатая выборка, построенная в несколько шагов. На первом шаге отобраны три региона России. Отбор проведён с учётом критериев социально-экономического развития и территориального расположения в различных Федеральных округах. Из первой трети регионов на основе рейтинга социально-экономического положения регионов России 2022 года¹ отобрана Свердловская область (Уральский федеральный округ), из второй – Волгоградская область (Южный федеральный округ), из третьей – Ивановская область (Центральный федеральный округ). На втором шаге выбраны городские населённые пункты для проведения исследования с включением в выборочную совокупность областных центров и нестоличных городов каждого из регионов. Территориальными точками опроса являются семь городов: Екатеринбург, Волгоград, Иваново,

Волжский, Камышин, Нижний Тагил, Шуя. На третьем шаге построения выборки сформированы выборочные совокупности в отобранных городских населённых пунктах с дифференциацией по направлениям образовательной подготовки молодых людей. Объём выборочной совокупности – 1031 респондент.

В исследовании реализован подход, в соответствии с которым образовательные и трудовые практики студенческой молодёжи рассматриваются в контексте домохозяйственной ресурсообеспеченности. Мы предполагаем, что формирование и реализация жизненных траекторий молодых людей во многом происходит под влиянием родительской семьи, которая через практики использования домохозяйственных ресурсов и систему прямых и косвенных сигналов способна оказывать существенное влияние как на ценностно-мотивационное мировоззрение молодёжной когорты, так и на возможности предпринимать те или иные практические действия.

Ресурсный потенциал родительской семьи рассчитан на основе анализа трёх компонент – образовательного, материального и социального статусов – и измерен путём выявления соответствующих объективных и субъективных оценок молодых людей ситуации в своей семье в период обучения в старших классах школы, сдачи итоговой аттестации и поступления в вуз.

Интегральная оценка ресурсного потенциала реализуется на основании баллирования, при котором по каждой из компонент (образовательный, материальный, социальный статусы) высокий уровень соответствует трём баллам, средний – двум, низкий – одному баллу. Суммирование балльных значений даёт интегральную шкалу с минимальным значением равным трём баллам и максимальным – девяти. Группировка по данной шкале формирует итоговую переменную с тремя уровнями ресурсного потенциала родительских домохозяйств выпускников вузов:

- Высокий уровень ресурсообеспеченности родительской семьи: 8–9 баллов;
- Средний уровень: 6–7 баллов;
- Ограниченный уровень: 3–5 баллов.

Результаты исследования показывают, что две примерно равные группы выпускников (28% и 25%) имеют минимальный и максимальный базис ресурсных возможностей, тогда как около половины опрошенных можно отнести к выходцам из семей со средним ресурсным потенциалом.

Данные, представленные на рис. 1, иллюстрируют достаточно существенные различия в ресурсообеспеченности родительских семей выпускников из разных типов населённых пунктов.

¹ Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2021 г. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220516/630222174.html> (дата обращения: 12.01.2023).

Рис. 1. Интегральная оценка ресурсообеспеченности родительской семьи в период окончания школы, по территориально-поселенческим группам, %

Fig. 1. Integral assessment of the parental family resource availability during graduation, by area-settlement groups, %

Модели образовательного поведения студенческой молодёжи

Результаты исследования показывают явную связь между характеристикой школы, которую оканчивали молодые люди, и интегральным ресурсным статусом их родительских домохозяйств: группу высокой ресурсообеспеченности характеризуют существенные отличия (рис. 2).

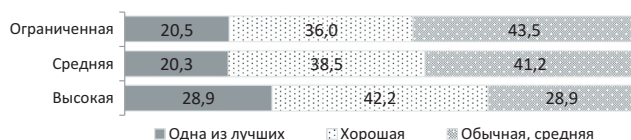

Рис. 2. Характеристика школ, данная выпускниками, по группам интегральной оценки ресурсообеспеченности родительской семьи, %

Fig. 2. School evaluation submitted by graduates, divided into groups of integral assessment of the parental family resource availability, %

При рассмотрении оснований дифференциации вузов, в которых обучаются молодые люди, также позитивно выделяются оценки выходцев из семей с высоким ресурсным потенциалом (рис. 3).

Рис. 3. Субъективная оценка статуса вуза, по группам интегральной оценки ресурсообеспеченности родительской семьи, %

Fig. 3. Subjective appraisal of the university status, divided into groups of integral assessment of the parental family resource availability, %

Немногим более половины выпускников свидетельствуют, что в период получения высшего

образования они занимались учёбой ответственно и добросовестно. Средним уровнем свою ответственность при освоении образовательных программ характеризуют 44 % молодых людей. Важно отметить, что выходцы из ресурсообеспеченных домохозяйств демонстрируют большую самоотдачу в ходе обучения (рис. 4).

Рис. 4. Самооценка отношения к учёбе в процессе получения высшего образования, по группам ресурсообеспеченности родительской семьи, %

Fig. 4. Self-evaluation of attitude towards learning during the process of getting higher education, divided into groups of the parental family resource availability, %

Более половины опрошенных полагают, что за годы обучения обрели теоретические знания по профилю подготовки, расширили спектр социальных связей, развили коммуникационные способности, а также смогли хорошо провести студенческие годы. Оценка уровня полученных практических навыков несколько менее оптимистична (Табл. 1).

Дополнительное образование в период обучения в вузе получали почти две трети выпускников. В том числе, активной включённостью в дополнительную образовательную подготовку характеризуются 30 % опрошенных (рис. 5).

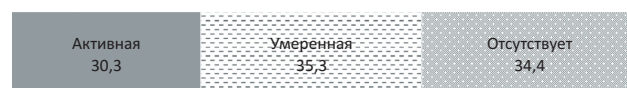

Рис. 5. Включённость в дополнительное образование в период обучения, %

Fig. 5. Involvement into complementary education while studying at the university, %

Чаще получали дополнительное образование во время учёбы молодые люди, обучающиеся в сравнительно привилегированных вузах, а также выходцы из семей с высоким ресурсным потенциалом. Это является подтверждением того, что представители данных групп более ориентированы на наращивание собственных образовательных возможностей. В частности, активность дополнительной образовательной подготовки демонстрировали 44 % имеющих высокий ресурсный фундамент, что более чем на 15 п. п. превышает

Таблица 1

Самооценка результативности обучения в вузе, % по строке

Table 1

Self-evaluation of efficiency of studying at the university, % on line

Формы результативности	Самооценка результативности				
	Получили	Скорее получили	Скорее не получили	Не получили	Затруднились ответить
Теоретические знания для работы	58,8	34,8	4,3	1,3	0,8
Практические знания и навыки для работы	47,3	34,7	11,0	4,7	2,3
Полезные / интересные знакомства	54,0	30,7	9,5	3,7	2,1
Интересное времяпрепровождение	54,3	31,2	7,8	4,6	2,1
Развитие навыков общения, командной работы	54,2	34,7	7,1	2,4	1,6
Личностный рост	53,8	33,3	7,3	2,8	2,8

показатели двух других групп домохозяйственной ресурсообеспеченности.

Важным показателем эффективности образовательной подготовки является уровень компетентностного развития молодых людей,

сформированный к моменту окончания профессионального обучения (Табл. 2). Наиболее развитым качеством выпускники вузов считают свою самостоятельность. Высоким уровнем развития характеризуются также навыки работы с информацией:

Таблица 2

Уровень развития компетентностного потенциала выпускников вузов согласно самооценке, % по строке

Table 2

Self-rated university graduates' competence potential level, % on line

Элементы компетентностного потенциала	Уровень развития				
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Полученные знания по большинству учебных дисциплин	1,3	3,1	36,5	42,5	16,6
Практические навыки работы по специальности	3,0	10,9	31,1	36,4	18,6
Эрудиция, общие знания о мире	1,1	2,5	29,7	44,6	22,1
Владение компьютером, техникой	2,9	6,1	24,4	41,3	25,3
Умение находить необходимую информацию	0,5	1,5	13,4	44,9	39,7
Умение систематизировать и анализировать информацию	0,6	1,4	16,2	44,6	37,2
Коммуникационные способности	0,8	2,5	21,3	43,3	32,1
Владение иностранным языком	8,9	18,8	34,0	25,0	13,3
Умение выстраивать отношения в коллективе	1,1	3,2	24,3	42,0	29,4
Исполнительность, ответственность	1,7	2,8	18,4	41,8	35,3
Инициативность, креативность	2,2	4,7	27,9	39,8	25,4
Трудолюбие	1,8	3,9	22,4	39,5	32,4
Лидерские качества	3,3	6,7	31,6	35,4	23,0
Организаторские способности	2,3	6,2	30,7	36,0	24,8
Самостоятельность	0,9	2,1	14,6	36,9	45,5
Здоровье	5,4	5,6	25,6	34,7	28,7

умение находить её в необходимых объёмах и номенклатуре, а также систематизировать и анализировать. Достаточно высока оценка уровня развития таких качеств, как исполнительность, ответственность и трудолюбие.

При этом студенты менее уверены в своих способностях в плане реализации руководящих функций: в отношении уровня развитости организаторских способностей и лидерских качеств доля высоких оценок снижается. Значительный потенциал успешной первичной адаптации молодых людей на рынке труда составляют такие качества, как коммуникативные способности и умение выстраивать отношения в коллективе. Также достаточно высоко оцениваются молодыми людьми уровень их общей эрудиции, теоретических и практических знаний и умений. Также обращает на себя внимание сравнительно небольшая группа опрошенных, зафиксировавшая высокий уровень компьютерных навыков. Уровень владения иностранными языками занимает аутсайдерские позиции в структуре компетентностных возможностей выпускников.

Опыт работы и перспективы трудоустройства

К моменту окончания обучения 60 % выпускников уже приобрели опыт трудовой деятельности. Актуальное наличие постоянной работы отмечают 28 % выпускников, а факт периодических подработок – еще 16 %. Как показывают данные, представленные в Таблице 3, заметные гендерные различия в период профессионального обучения отсутствуют. Наиболее значительной включённостью в трудовую деятельность характеризуются выпускники, обучающиеся по магистерским программам. Представители региональных центров с присущей столичным агломерациям развитостью рынка труда имеют постоянную работу существенно чаще. Важно также отметить, что молодые люди, обладающие максимальным уровнем домохозяйственной ресурсообеспеченности, заметно чаще реализуют возможности откладывания выхода на рынок труда.

Главной причиной отсутствия трудового опыта молодые люди называют отсутствие возможности

Таблица 3

Включённость в трудовую занятость, по группам выпускников, % по строке

Table 3

Involvement into employment, divided into groups of graduates, % on line

Группы	Наличие трудовой деятельности			
	Постоянная работа	Приработки	Сейчас нет, но имели ранее	Сейчас нет, и не имели ранее
В целом	28,1	15,5	16,1	40,3
<i>Гендерные группы</i>				
Мужчины	27,1	15,8	18,3	38,8
Женщины	28,9	15,3	14,4	41,4
<i>Программы высшего образования</i>				
Специалитет	28,9	11,6	17,3	42,2
Бакалавриат	26,0	18,0	16,2	39,8
Магистратура	47,7	7,9	9,5	34,9
<i>Тип поселения, в котором получают высшее образование</i>				
Областной центр	31,7	15,7	14,5	38,1
Нестолличный город	17,3	15,0	20,9	46,8
<i>Интегральная оценка ресурсообеспеченности родительской семьи</i>				
Ограниченная	30,5	18,6	16,8	34,1
Средняя	30,2	12,6	17,4	39,8
Высокая	19,1	17,9	12,7	50,3

успешного совмещения учебной и трудовой нагрузки (на это указали 65 % опрошенных). Кроме того, 36 % выпускников заявили, что хотели максимально сосредоточиться на учёбе. Также более трети молодых людей не имели стимулов к раннему выходу на рынок труда вследствие отсутствия материальных затруднений.

Половина студентов реализовали первое трудоустройство вне связи с той специальностью, которую они получают. Только менее 30 % молодых людей, имеющих трудовой опыт, начали свой карьерный путь именно по тому направлению деятельности, которому обучаются в вузе.

После окончания обучения большинство выпускников предпочли бы работать по полученной специальности (рис. 6). При сохранении общих тенденций отмечаются различия по территориально-поселенческим группам получения высшего образования, состоящие в том, что в нестоличных городах заметно большая группа опрошенных (24 %) не имеет конкретизированных представлений о том, насколько их будущая работа должна быть связана с направлением получаемой образовательной подготовки. Ориентация в отношении профиля будущего трудоустройства в значительной степени связана с показателями ресурсообеспеченности родительской семьи: чем они выше, тем более настоятельно выпускники ориентированы на связь трудовой деятельности с полученным образованием.

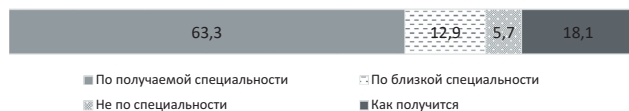

Рис. 6. Ориентация в отношении взаимосвязи профиля трудовой деятельности после окончания вуза с получаемой специальностью, %

Fig. 6. Orientation with respect to connection between after-graduation work profile and chosen specialty, %

К числу способов трудоустройства, на которые возлагают ожидания наиболее массовые группы выпускников вузов, относятся размещение своего резюме и отклик на вакансии работодателей на профильных сайтах. Данные модели поведения при поиске работы предполагают воспроизводить, соответственно, 45 % и 37 % молодых людей. Каждый четвертый из выпускников рассчитывает на помощь со стороны социального окружения при трудоустройстве. Продолжать деятельность на имеющемся рабочем месте предполагает 21 % опрошенных (рис. 7).

Немногим более трети выпускников вузов предполагают, что после окончания обучения

они будут иметь широкий выбор вариантов трудоустройства. 32 % опрошенных считают, что возможности соответствующего выбора будут существенно ограничены, а примерно каждый десятый предполагает, что выбора практически не будет. Важно отметить, что почти четверть респондентов затруднились оценить данные перспективы. В том, что возможностей для выбора места работы будет достаточно, в большей степени, ожидаемо, уверены выпускники, обучающиеся в областных центрах. Среди молодых людей, получающих высшее образование в нестоличных городах, мнение о достаточном числе вакансий разделяют 24 % респондентов, а самая массовая группа (44 %) склоняется к позиции о значительной ограниченности потенциального пространства выбора.

Рассмотрим представления выпускников о том, какой уровень первоначальной оплаты труда после окончания обучения представляется им приемлемым, и на какой трудовой доход они, по собственным представлениям, смогут рассчитывать в реальности.

Более 40 % выпускников считают приемлемой на начальном этапе трудовой карьеры после окончания вуза заработную плату в диапазоне 40–60 тысяч рублей в месяц. Треть опрошенных хотели бы зарабатывать 60 тысяч рублей и более, а представители группы молодых людей, численность которой составляет 23 %, полагают достаточным для себя уровень менее 40 тысяч рублей. В среднем, размер приемлемой для выпускников месячной оплаты труда составляет 55 тысяч рублей (медианное значение – 50 тысяч рублей).

Анализ представлений о том, на какую начальную оплату труда после получения диплома молодые люди могут реально претендовать, иллюстрирует существенный дисбаланс (Табл. 4). Средним значением в данном случае является 39,4 тысяч рублей, а медианным – 35. Доля выпускников, рассчитывающих на сравнительно высокий реальный уровень зарплаты на стартовом этапе после

Рис. 7. Прожективные практики трудоустройства после окончания вуза, %, допускалось не более двух ответов

Fig. 7. Projective practices of employment after university graduation, %, no more than two answers were permitted

окончания обучения, заметно выше среди мужчин. В данной гендерной группе каждый пятый из опрошенных ожидает получения трудового дохода в размере не менее 60 тысяч рублей в месяц, тогда как в числе женщин подобные ответы распространены на уровне 11 %. При этом оплата труда ниже границы 40 тысяч рублей предполагается 60 % женщин и менее чем половиной мужчин. Молодые люди, характеризующиеся развитым ресурсным потенциалом родительской семьи, демонстрируют существенно больший оптимизм относительно собственных перспектив на рынке труда.

Далее комплексно рассмотрим структуру факторов, представляющих для молодых людей особенно важными при выборе рабочего места и субъективной оценки его качества. Наиболее важным в декларативных установках трудоустройства молодых людей, получающих высшее образование, является содержание работы (63 %). С небольшим отрывом в топ-3 отмеченных позиций также входят

перспективы повышения зарплаты и карьерного роста в будущем (56–57 %). Значимость начального уровня оплаты труда ниже; этот фактор наравне с комфортным режимом работы отмечают более 40 % опрошенных.

Анализ гендерных различий восприятия молодыми людьми значимости параметров трудовой деятельности показывает, что наиболее высокая дифференциация отмечается в следующем: во-первых, для женщин существенно более важны комфортный режим и график работы, а также приятный коллектив. Во-вторых, для мужчин принципиальную сравнительную важность имеет фиксируемая на уровне 20 % гендерной группы возможность избежать призыва на военную службу. В-третьих, существенно меньшими, но заметными различиями характеризуется значимость аспектов официального трудоустройства «в пользу» женщин и начального уровня оплаты труда, а также помощи в улучшении жилищных условий «в пользу» мужчин (Табл. 5).

Таблица 4

Представления выпускников о размере реально возможного трудового дохода после получения высшего образования, в контексте финансовых пожеланий, интервальные значения, % строке

Table 4

Graduates' ideas about the amount of possible work income after graduating university, in terms of financial desires, interval meanings, % on line

Показатели	Размер оплаты труда после окончания вуза, тысяч рублей в месяц			
	Менее 40	40 – менее 60	60 – менее 80	80 и более
Представляющийся реальным уровень	54,3	30,7	8,3	6,7
Субъективно приемлемый уровень	23,1	42,6	18,5	15,8

Таблица 5

Значимость факторов работы при рассмотрении вариантов трудоустройства и рабочих мест, по гендерным группам, %, допускалось не более четырёх ответов

Table 5

Significance of future work factors in considering employment options, in gender groups, %, no more than 4 answers were permitted

Факторы	В целом	Гендерные группы	
		Мужчины	Женщины
Содержание работы	62,7	62,8	63,7
Начальный уровень оплаты труда	42,6	45,5	41,1
Перспективы повышения оплаты труда	57,2	57,5	58,0
Карьерные перспективы	55,8	57,2	55,6
Комфортный режим, график работы	42,4	34,3	49,1
Комфортный коллектив	31,7	22,3	39,2
Комфортные условия работы	25,5	26,0	25,6
Удобное местоположение организации	20,6	19,8	21,5
Официальное трудоустройство, «белая» зарплата	20,8	17,9	23,2

Окончание табл. 5
Table 5 finishes

Факторы	В целом	Гендерные группы	
		Мужчины	Женщины
Стабильность занятости	17,2	17,2	17,4
Возможности получения ДПО	11,2	10,8	11,6
Наличие «брони» от военной службы	8,8	20,9	0,0
Перспективы помощи в улучшении жилищных условий	11,2	13,6	9,6
Наличие и уровень медицинской страховки	9,1	9,9	8,7

По мнению 43 % представителей студенческой когорты, их будущая работа сможет соответствовать только некоторым из условий, которые представляются приоритетными. При этом 38 % выпускников высказывают ожидания, что смогут найти рабочее место, удовлетворяющее большинству таких аспектов, и совпадение желаемого с реальным будет приближено к максимуму. Наибольший оптимизм в отношении возможностей

трудоустройства, удовлетворяющего большинству представляющихся наиболее важными параметров и условий работы, выражают молодые люди, получающие высшее образование в областных центрах, а также имеющие развитый ресурсный фундамент на протяжении молодёжной жизненной траектории и собственными усилиями подтверждающие мотивацию к развитию образовательного потенциала (Табл. 6).

Таблица 6

Ожидание соответствия будущей работы важным для молодых людей параметрам, по социально-демографическим группам, % по строке

Table 6

Expectations of future work compliance with important factors, divided into groups of graduates, % on line

Группы	Будет ли работа после получения профессионального образования соответствовать субъективно важным параметрам			
	Да, большинству	Да, но лишь некоторым	Вряд ли будет соответствовать хоть каким-то	Затруднились ответить
В целом	38,2	43,3	4,5	14,0
<i>Гендерные группы</i>				
Мужчины	40,4	38,8	4,9	15,9
Женщины	36,5	46,8	4,1	12,6
<i>Тип поселения, в котором получают высшее образование</i>				
Областной центр	40,0	43,4	4,7	11,9
Нестолитный город	32,7	43,4	3,6	20,3
<i>Интегральная оценка ресурсобеспеченности родительской семьи</i>				
Ограниченная	32,8	47,5	5,8	13,9
Средняя	36,2	45,1	3,6	15,1
Высокая	46,7	37,4	4,1	11,8
<i>Самооценка отношения к учёбе в ходе получения профессионального образования</i>				
Очень ответственно и добросовестно	43,6	42,7	3,6	10,1
Средне, напрягаясь время от времени	30,2	45,3	5,5	19,0

Представления о перспективах

По мнению выпускников системы высшего образования, наиболее важными для карьерного и жизненного успеха являются компетенции, связанные с трудоспособностью и трудолюбием (64%), готовностью повышать квалификацию и учиться новому (46%), уровнем имеющегося профессионального образования (42%), а также инициативностью (42%). Важно также отметить массовость ответов, которые на уровне трети опрошенных фиксируют значимость социального капитала, выражающегося в наличии полезных связей и знакомств (рис. 8).

Рис. 8. Качества, представляющиеся наиболее важными для карьерного и жизненного успеха, %, допускалось не более трёх ответов

Fig. 8. Qualities, which are regarded as most important for career and life success, %, no more than three answers were permitted

В собственное будущее выпускники вузов смотрят с достаточным оптимизмом: почти две трети предполагают, что на горизонте ближайшего десятилетия их карьера будет складываться успешно. При этом представления о карьерной успешности

более распространены среди получающих образование в областных центрах, а также среди выходцев из семей с высоким ресурсным потенциалом родителей (Табл. 7).

Обсуждение

Результаты исследования, проведённого среди выпускников российских вузов, показывают, что в период перехода к профессиональному образованию большинство молодых людей имеют средние показатели развития материальных и социальных домохозяйственных ресурсов. Можно констатировать, что высшее образование массово доступно отнюдь не только представителям ресурсообеспеченных групп населения, однако наблюдается выраженная ситуация статусного воспроизводства, когда домохозяйства, имеющие сравнительно высокие ресурсные возможности, стремятся к получению высшего образования представителями молодого поколения и успешно решают эту задачу.

Образовательные траектории выпускников вузов, уже начиная с ранних этапов, реализуются на основе использования ресурсных возможностей родительской семьи, и объём соответствующих ресурсов в значительной степени определяет направления реализуемых молодыми людьми практик. В частности, явно прослеживается связь между статусными характеристиками школ, которые оканчивали молодые люди, и ресурсными возможностями их родителей. Представители ресурсообеспеченных домохозяйств также чаще достигают привилегированного сегмента образовательной

Таблица 7

Самооценка перспектив успешности профессиональной карьеры в ближайшие 5–10 лет, по социально-демографическим группам, % по строке

Table 7

Self-evaluation of career prospects in the next five to ten years, divided into groups of graduates, % on row

Группы	Насколько успешно будет складываться карьера в ближайшие 5–10 лет		
	Успешно	Средне	Вряд ли успешно
В целом	63,1	34,5	2,4
<i>Тип поселения, в котором получают профессиональное образование</i>			
Областной центр	64,6	32,9	2,5
Нестолличный город	57,9	39,7	2,4
<i>Интегральная оценка ресурсообеспеченности родительской семьи</i>			
Ограниченная	56,0	40,0	4,0
Средняя	62,9	34,5	2,6
Высокая	69,6	29,6	0,8

системы, обучаясь в вузах, которые субъективно признаются популярными и престижными.

В ходе работы выявлен спектр моделей поведения в ходе получения высшего образования. В целом, российские студенты демонстрируют достаточно средний уровень мотивированности к освоению учебного материала: лишь немногим более половины выпускников свидетельствуют об ответственном и добросовестном отношении к учебному процессу. Различия в отношении к учёбе выходцев из семей с различной ресурсной обеспеченностью показывают, что молодые люди, имеющие значительный «фундамент поддержки» в формирующем возрасте, чаще характеризуются большей ответственностью и добросовестностью. Важно зафиксировать тот факт, что почти две трети выпускников вузов занимались в период обучения дополнительным образованием, а активной включённостью в соответствующие практики характеризуются 30 % молодых людей. Вновь наблюдается дифференциация молодого поколения в отношении наращивания человеческого потенциала: те из студентов, кто обучается в сравнительно привилегированных вузах и имеет значительный объём ресурсной возможности родительских домохозяйств, в большей степени включены в дополнительную образовательную подготовку в период получения профессионального образования.

Представители молодёжной когорты, оканчивающие получение высшего образования, демонстрируют существенный оптимизм в оценке результативности времени, проведённого в «стенах вузов». Самооценки соответствующей результативности крайне существенно смещены в сторону позитивных характеристик оценочной шкалы по всем предложенным в исследовании критериям. Более половины выпускников уверенно полагают, что за годы обучения обрели теоретические знания по профилю обучения, расширили спектр социальных связей, развили коммуникационные способности и смогли хорошо провести студенческие годы. При этом наблюдается заметный дисбаланс между теоретическими знаниями и практическими навыками: разница в наполненности групп позитивной оценки результативности получения данных компетентностных форм достаточно существенна, а доля уверенно заявивших о получении практических навыков, пригодных для успешной трудовой деятельности, составляет менее половины опрошенных.

Российские студенты демонстрируют высокий уровень включённости в трудовую деятельность. К моменту окончания обучения 60 % молодых людей уже приобрели опыт работы, и массовость

соответствующих практик характеризует не только выпускников программ магистратуры (среди которых доля получивших опыт работы по объективным причинам максимальна), но и тех, кто оканчивает обучение по программам бакалавриата и специалитета. Говоря о первом трудоустройстве, надо отметить, что чаще всего его профиль не связан с направлением получаемой профессиональной подготовки. При этом после окончания вуза большинство выпускников предпочли бы работать по полученной специальности.

К числу способов трудоустройства, на которые возлагают ожидания наиболее массовые группы выпускников вузов, относятся размещение своего резюме и отклик на вакансии работодателей на профильных сайтах; при этом важно отметить, что каждый четвёртый из выпускников рассчитывает на помощь со стороны социального окружения. Наиболее важным в декларативных установках учащейся молодёжи в отношении запросов на рынке труда является содержание работы (63 %). Более 55 % выпускников постулируют важность перспектив как повышения оплаты труда, так и роста карьерной позиции. Субъективная значимость начального уровня оплаты труда менее выражена и находится на уровне немногим более 40 %, аналогично комфортному режиму и графику работы. Существенные гендерные различия в восприятии выпускников заключаются в том, что для женщин более важны параметры комфорта – режим и график работы, коллектив, а для мужчин – возможность избежать призыва на военную службу. По мнению 43 % представителей студенческой когорты, их будущая работа сможет соответствовать только некоторым из условий, которые представляются приоритетными, однако сопоставимая группа (38 %) высказывает ожидания, что совпадение желаемого с реальным будет приближено к максимуму, и они смогут найти рабочее место, удовлетворяющее большинству таких аспектов. Наибольший оптимизм в отношении возможностей трудоустройства, соответствующего большинству представляющихся важными параметров и условий работы, выражают молодые люди, получающие высшее образование в региональных центрах. Выпускники вузов, характеризующиеся как развитым ресурсным потенциалом родительской семьи, так и, безусловно, связанным с ним уровнем актуальной материальной обеспеченности, демонстрируют существенно больший оптимизм относительно собственных перспектив на рынке труда. Как представляется, такая ситуация может объясняться комплексом взаимодополняющих оснований. Во-первых, могут играть роль выраженные мотивации выпускников

как минимум сохранить, а в идеале улучшить достаточно высокие семейные статусы, что определяет поведенческие практики, способствующие удовлетворению подобных мотиваций. Во-вторых, имеющийся в формирующем возрасте ресурсный фундамент в большей степени способствует накоплению молодыми людьми образовательного потенциала, ликвидного на рынке труда. И, в-третьих, представители успешных домохозяйств часто могут рассчитывать на помощь родственно-дружеского социального окружения, способствующую вхождению в перспективные сегменты трудового рынка.

Достаточно высокая оценка уровня развития таких качеств, как исполнительность, ответственность и трудолюбие, свидетельствует о массовой готовности выпускников вузов к реализации исполнительских функций в ходе построения карьеры. Существенной проблемой представляется значительный дисбаланс между запросами молодых людей в отношении размера оплаты труда, который бы позволил им с большим или меньшим комфортом поддерживать приемлемый уровень жизни, и тем уровнем трудового дохода, который видится реальным на начальном этапе карьеры.

Полученные в ходе исследования результаты за счёт построения выборки, учитывающей различные уровни дифференциации студенческой молодёжи, в том числе демографические, статусные и профессиональные, являются в достаточно степени представительными с точки зрения массового сегмента выпускников вузов. Ограничения экстраполяции полученных данных на всю генеральную совокупность российского студенчества связаны с тем, что из выборки исключены регионы и территории эксклюзивного социально-экономического и образовательного контекста (например, агломерации федеральных столиц). Как представляется, результаты исследования могут быть использованы для обоснования управленческих решений, способствующих сглаживанию проблем, актуальных для российских студентов на этапах получения высшего образования и выхода на рынок труда. Среди актуальных направлений дальнейших исследований можно выделить анализ факторов, препятствующих реализации продуктивных моделей образовательного и трудового поведения представителей ресурсоограниченных групп молодёжи, и поиск возможностей преодоления соответствующих барьеров.

Заключение

В итоге можно сделать вывод, что жизненные практики студенческой молодёжи характеризуются рядом особенностей, которые описывают массовые

модели образовательного и трудового поведения данного сегмента молодёжной когорты. К числу таких особенностей относятся следующие:

- Самая массовая группа молодых людей является выходцами из семей со средним ресурсным потенциалом, при этом низкий уровень ресурсных возможностей семьи отнюдь не отсекает молодёжь от возможностей получения высшего образования;

- Оценка выпускниками вузов результативности обучения имеет ярко выраженное смещение в зону положительных характеристик, однако зона абсолютной удовлетворённости по каждой из рассматриваемых позиций результативности находится на уровне около половины опрошенных;

- Ранний выход на рынок труда выступает социальной нормой для учащейся молодёжи, при этом связь первой работы с получаемой специальностью характеризует крайне ограниченные группы студентов, а приоритизация профильного трудоустройства после окончания вуза, напротив, является массовой;

- Выпускники вузов достаточно оптимистичны относительно возможностей трудоустройства, однако явно отдают себе отчёт в том, что их первая работа не сможет соответствовать многим из желаемых критериев.

В ситуации дефицита ресурсов родительской семьи представители молодёжной когорты испытывают существенные ограничения реализации перспективных образовательных практик. Данная ситуация проявляется уже на первых этапах жизненного пути, в частности, в суженности шансов обучения в школах, характеризующихся привилегированным статусом и сравнительно высоким качеством образовательной подготовки. В дальнейшем выходцы из домохозяйств с ограниченными возможностями отличаются меньшей ответственностью в освоении программ профессионального обучения и включённостью в систему дополнительного образования.

Полученные данные позволяют заключить, что наше общество устроено достаточно сложно и амбивалентно. В нём, очевидно, присутствует пространство возможностей для молодых людей, оканчивающих получение высшего образования. Использование этих возможностей и, соответственно, расширение шансов достижения жизненного успеха сопряжено со значительными усилиями со стороны как старшего поколения родительских домохозяйств, так и самих молодых людей.

На этапе трудоустройства молодые люди в первую очередь приоритизируют интересную и содержательную работу. Согласно обозначенным позициям, выпускники вузов достаточно массово

декларируют готовность «пожертвовать» оплатой труда на начальном этапе карьеры, чтобы накопить необходимый потенциал и расширить будущие жизненные перспективы. Институциональная поддержка усилий молодёжной когорты по наращиванию образовательного потенциала и его использованию на рынке труда способна существенно расширить перспективы продуктивной социальной динамики.

Список источников

1. Шубкин В. Н. Социологические опыты. М.: Мысль, 1970. 288 с.
2. Шубкин В. Н. Начало пути. М.: Молодая гвардия, 1979. 224 с.
3. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Отношение молодёжи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 5–19.
4. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодёжь в сфере образования: ожидания и мотивация // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 154–174.
5. Константиновский Д. Л., Хохлушкина Ф. А. Формирование социального поведения молодежи в сфере образования // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 22–42.
6. Черденченко Г. А. Молодёжь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования). СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2004. 504 с.
7. Аврамова Е. М., Шабунова А. А., Логинов Д. М. Студенты столицы и провинции: социальные ресурсы, ожидания // Социологические исследования. 2005. № 9 (257). С. 98–103.
8. Константиновский Д. Л. Динамика неравенства: Российская молодёжь в меняющемся обществе: Ориентации и пути в сфере образования (от 60–х годов к 2000–му). М.: Эдиториал УРСС, 1999. 341 с.
9. Рощина Я. М. Неравенство доступа к образованию: что мы знаем об этом? // Проблемы доступности высшего образования. Независимый институт социальной политики. М.: СИГНАЛЬ, 2003. С. 94–149.
10. Рощина Я. М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 257–277. DOI: 10.17323/1814-9545-2012-1-257-277
11. Клячко Т. Л., Семионова Е. А. Трудоустройство молодёжи на первую работу // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26, № 12. С. 48–56.
12. Клячко Т. Л., Логинов Д. М., Ломтева Е. В., Семионова Е. А. Трудоустройство и особенности занятости молодёжи в период пандемии // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27, № 12. С. 70–73.
13. Черденченко Г. А. Первое трудоустройство после вуза (по материалам опроса Росстата РФ) // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 91–101.
14. Шинкаренко Е. А. Первая работа молодёжи: желаемые сценарии и реальные практики // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 2 (62). С. 18–28. DOI: 10.21685/2072-3016-2022-2-2.
15. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодёжь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37–48.
16. Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Стабильность молодёжной занятости в период экономической рецессии // Проблемы развития территории. 2016. № 5 (85). С. 107–122.
17. Вознесенская Е. Д., Константиновский Д. Л., Черденченко Г. А. «Кончить курс и место достать»: Исследование вторичной занятости студентов // Социологический журнал. 2001. № 3. С. 101–120.
18. Рощин С. Ю., Рудаков В. Н. Совмещение учебы и работы студентами российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 152–179. DOI: 10.17323/1814-9545-2014-2-152-179
19. Ворона М. А. Мотивы студенческой занятости // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 106–115.
20. Аврамова Е. М. Рынок труда и система образования: трудности перевода сигналов // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 51–61.
21. Ключарев Г. А. Разрыв образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49–56.

References

1. Shubkin V. N. Sotsiologicheskie opyty [Sociological Experiments]. Moscow, Mysl', 1970, 288 p. (In Russ.).
2. Shubkin V. N. Nachalo puti [The Beginning of the Path]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1979, 224 p. (In Russ.).
3. Konstantinovskiy D., Popova E. Otnoshenie molodezhi k obrazovaniyu v sovremennoi Rossii [The intention of young people to higher education as an important recourse of innovative development of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2016, nr 1, pp. 5–19. (In Russ.).
4. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. Molodezh' v sfere obrazovaniya: ozhidaniya i motivatsiya [Youth in Education: Expectations and Motivation]. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik*, Moscow, Novyi Khronograf, iss. 15, 2017, pp. 154–174. (In Russ.).
5. Konstantinovskiy D. L., Khokhlushkina F. A. Formirovaniye sotsial'nogo povedeniya molodezhi v sfere obrazovaniya [Formation of Social Behavior of Youth in the Sphere of Education]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1998, nr 3–4, pp. 22–42. (In Russ.).
6. Cherednichenko G. A. Molodezh' Rossii: sotsial'nye orientatsii i zhiznennye puti (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya) [Russian Youth: Social Orientations and Life Paths (Experience of Sociological Research)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo humanitarnogo instituta, 2004, 504 p. (In Russ.).
7. Avraamova E. M., Shabunova A. A., Loginov D. M. Studenty stolitsy i provintsii: sotsial'nye resursy, ozhidaniya [Students of the Capital and the Province: Social Resources, Expectations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2005, no. 9(257), pp. 98–103. (In Russ.).
8. Konstantinovskiy D. L. Dinamika neravenstva: Rossiiskaya molodezh' v menyayushchemsya obshchestve: Orientatsii i puti v sfere obrazovaniya (ot 60–kh godov k 2000–mu) [Dynamics of Inequality: Russian Youth in a

Changing Society: Orientations and Paths in the Field of Education (from the 60s to the 2000s)]. Moscow, Editorial URSS, 1999, 341 p. (In Russ.).

9. Roshchina Ya. M. Neravenstvo dostupa k obrazovaniyu: chto my znaem ob etom? [Inequality of Access to Education: What Do We Know About It?]. *Problemy dostupnosti vysshego obrazovaniya. Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki*, Moscow, SIGNAL, 2003, pp. 94–149. (In Russ.).

10. Roshchina Ya. M. Semeinyi kapital kak faktor obrazovatel'nykh vozmozhnostei rossiiskikh shkol'nikov [Family Capital as a Factor of Educational Opportunities for Russian High School Students]. *Voprosy obrazovaniya*, 2012, nr 1, pp. 257–277. doi 10.17323/1814-9545-2012-1-257-277 (In Russ.).

11. Klyachko T. L., Semionova E. A. Trudoustroistvo molodezhi na pervuyu rabotu [Youth Employment. First Job]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2019, vol. 26, nr 12, pp. 48–56. (In Russ.).

12. Klyachko T. L., Loginov D. M., Lomteva E. V., Semionova E. A. Trudoustroistvo i osobennosti zanyatosti molodezhi v period pandemii [Integration of Young People into the Labor Market and the Specific Features of their Employment During a Pandemic]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2020, vol. 27, nr 12, pp. 70–73. (In Russ.).

13. Cherednichenko G. A. Pervoe trudoustroistvo posle vuza (po materialam oprosa Rosstata RF) [Employment After University Graduation on the Materials of the Russian Statistics Committee Survey]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, nr 8, pp. 91–101. (In Russ.).

14. Shinkarenko E. A. Pervaya rabota molodezhi: zhelaemye stsennari i real'nye praktiki [First Job of the Youth: Desirable

Scenarios and Real Practices]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, 2022, nr 2 (62), pp. 18–28. doi 10.21685/2072-3016-2022-2-2. (In Russ.).

15. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. Molodezh', ry-nok truda i ekspansiya vysshego obrazovaniya [Youth, Labor Market and Expansion of Higher Education]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, nr 11, pp. 37–48. (In Russ.).

16. Avraamova E. M., Loginov D. M. Stabil'nost' molodezhnoi zanyatosti v period ekonomicheskoi retsessii [Stability of Youth Employment During Economic Recession]. *Problemy razvitiya territorii*, 2016, nr 5 (85), pp. 107–122. (In Russ.).

17. Voznesenskaya E. D., Konstantinovskiy D. L., Cherednichenko G. A. «Konchit' kurs i mesto dostat'»: Issledovanie vtorichnoi zanyatosti studentov [«Complete the Course and Get a Job»: Secondary Employment of Students]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2001, nr 3, pp. 101–120. (In Russ.).

18. Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. Sovmeshchenie ucheby i raboty studentami rossiiskikh vuzov [Combining Work and Study by Russian Students]. *Voprosy obrazovaniya*, 2014, nr 2, pp. 152–179. doi 10.17323/1814-9545-2014-2-152-179 (In Russ.).

19. Vorona M. A. Motivy studencheskoi zanyatosti [Motivation for Students' Employment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2008, nr 8, pp. 106–115. (In Russ.).

20. Avraamova E. M. Rynok truda i sistema obrazovaniya: trudnosti perevoda signalov [Labor Market and Education System: Difficulties of Signal Translation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, nr 3, pp. 51–61. (In Russ.).

21. Kliucharev G. A. Razryv obrazovaniya i rynka truda: mneniya ekspertov [The Gap Between Education and Labor Market: Experts' Opinion]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, nr 11, pp. 49–56. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Логинов Дмитрий Михайлович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; loginov-dm@ranepa.ru; ORCID 0000-0002-2717-6909

Янковская Марианна Алексеевна – младший научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; yankovskaya-ma@ranepa.ru; ORCID 0000-0002-3647-6364

Яковлев Иван Александрович – научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; yakovlev-ia@ranepa.ru; ORCID 0000-0002-6887-4308

Dmitry M. Loginov – PhD (Economics), Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; loginov-dm@ranepa.ru; ORCID 0000-0002-2717-6909

Marianna A. Yankovskaya – Trainee researcher, Center of the Economics for Continuing Education, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; yankovskaya-ma@ranepa.ru; ORCID 0000-0002-3647-6364

Ivan A. Yakovlev – Researcher, Center of the Economics for Continuing Education, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; yakovlev-ia@ranepa.ru; ORCID 0000-0002-6887-4308

